

Ирина Мельникова

НЕОКОНЧЕННЫЙ
РОМАНС

Москва

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

НЕОКОНЧЕННЫЙ
РОМАНС

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Неоконченный романс : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-238210-9

Журналистка Елена после гибели мужа бросила все: родителей, друзей, работу, уехала в небольшой таежный поселок и устроилась работать учительницей. И хотя к ней проявили интерес много местных кавалеров, в ее сердце не было места никому, кроме мужа... С появлением нового директора лесхоза Алексея Ковалева все изменилось. Это была любовь с первого взгляда, но отношения двух гордых, самолюбивых людей ждали серьезные испытания. Узнав о давно пропавшем в тайге караване с золотом, Елена и Алексей отправились на поиски и попали в самое настоящее бандитское логово...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238210-9

© Мельникова И., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

— Люди добрые! Вы только посмотрите на нее! Половина России стремится в Москву, чтобы хоть как-то выжить, сделать карьеру, а эта дуреха вздумала изображать жену декабриста! — Отец театральным жестом воздел руки к небу. — О боже, вразуми мою дочь, чтобы не наломала дров!

«Люди добрые» в лице мамы и бабушки осуждающе молчали, понимая, что их черед выразить свое отношение к событиям еще впереди.

Отец отошел к окну, устало опустился в кресло и окинул сердитым взглядом тоненькую фигурку дочери.

— Объясни еще раз старому склеротику, какая муха тебя укусила. Мы все — и я, и бабушка, и мама — оплакиваем Сережу. Но в трудные времена человек находит опору в близких людях, в друзьях, в любимой работе, наконец... Ты же словно не от мира сего! Бросаешься очертя голову в крайности: не спрашиваешь ни у кого совета, увольняешься с работы, покупаешь билет на самолет. Ну, скажи на милость, кому ты нужна в этом таежном захолустье? Представляю, является столичная фифа в этот богом забытый Привольный, ну и что? Думаешь, тебе там будут рады? У них своих проблем невпроворот, а тут ты явишься со своими болячками...

— Подожди, Максим! — Бабушка решительно встала с дивана, подошла к внучке и обняла ее за плечи. — Послушай меня, девочка! В сорок четвертом, когда погиб твой дед, мне тоже хотелось убежать куда глаза глядят, смотреть ни на кого не могла. Каюсь, поначалу смерти искала,

потом опомнилась, спохватилась: сын ведь у меня совсем еще маленький, беззащитный...

— Бабуля, у тебя ребенок остался, а у меня, кроме фотографий и писем, — ничего. — Лена подняла голову и умоляюще посмотрела на родителей. — Отпустите меня, ради бога! Вы же всегда все понимали. Я не выживу здесь. В редакции смотрят на меня как на безнадежно больную и задания все подсовывают шадящие, с упором на развлекаловку. Изо дня в день, из часа в час одни и те же лица, одни и те же разговоры... Просилась в командировку на Кавказ, редактор посмотрел как на умалишенную. На следующий день узнаю: вместо меня отправили Ксюшку Завьялову, которая от каждого куста шарахается и дальше Подмосковья нигде не бывала. — Лена перевела дух. — В конце концов, я взрослый человек и в состоянии решать свои проблемы без подсказок. Конечно, для вас Привольный — край земли, но наши ребята в прошлом году сплавились там по горным речкам на плотках и вернулись в полнейшем восторге и от природы, и особенно от людей. Горы, тайга, свежий, здоровый воздух! И с голоду там не пухнут, и так же, как в Москве, влюбляются, женятся, детей рожают и на судьбу, поверьте, не жалуется.

— Не хватало мне еще зятя местного разлива и внуков-туземцев! — подал голос отец.

— Максим, прекрати! — оборвала его бабушка, а мама сердито сверкнула глазами.

Максим Максимович стукнул в сердцах кулаком по подлокотнику, но от дальнейших комментариев воздержался.

— Ба, знакомые все пасмурные лица! — ворвался в кабинет отца Никита, младший представитель семейства. Несколько озадаченно оглядел постные физиономии старших родственников, но в силу врожденного оптимизма и щенячьей беспечности предпочел не впадать в мировую скорбь и с веселой ухмылкой потер ладони. — Прекрасненько! Похоже, запись на сибирские сувениры продолжается! — Он подсел к Лене и обнял сестру за плечи. — Слушай, дорогая сестренка, у меня грандиозная идея! Твой героический поступок еще аукнется в истории. Поэтому ни дня без строчки и фотоснимка. Фиксирую каждый свой

вдох и выдох. Я тут примерный план съемок набросал: «Лена в ногах убитого ею медведя», «Лена с соболем через плечо», «Лена моет ноги в истоках великой сибирской реки»...

Сестра улыбнулась, выхватила из рук брата растрепанную записную книжку и шлепнула его по лбу.

— Чего-чего, а капканчик специально привезу на чей-то длинный язык!

Она подошла к матери, села рядом, прижалась к ней.

— Родные мои, простите меня, пожалуйста! Я ненадолго уезжаю, честное слово! Возможно, мне хватит нескольких месяцев, чтобы понять, кто прав: вы или я. В жизни надо многое испытать, чтобы стать по-настоящему взрослым человеком, вы же сами меня в этом постоянно убеждали. А теперь, когда я решилась последовать вашим советам, вы непонятно почему воспротивились. Неужели я такое никчемное, такое тепличное создание, что погибну от первого же сквозняка? Дайте мне шанс стать независимой...

— Ну что ж... — Отец сухо посмотрел на дочь, обвел взглядом домочадцев. — Борьба за независимость — святое дело! Только не жалуйся потом, если в боях за суверенитет зубы потеряешь... — Максим Максимович огорченно развел руками. — Знаю, что упрямая, знаю, что настырная. И как тебя ни уговаривай, все равно по-своему сделаешь! А я не хочу, чтобы мы расставались врагами. — Он махнул рукой и огорченно добавил: — Поезжай, бог с тобой, но, когда будешь собирать вещи, не забудь про валенки, полушубок и гусиный жир — первейшее средство от сибирских морозов. — И, хлопнув дверью, вышел из кабинета, а Никита на радостях стукнул записной книжкой по журнальному столику, отчего любимая мамина ваза слегка подпрыгнула на месте.

— Слушай, Ленка, раз уж тебе разрешили отправиться к черту на рога, будь другом, добудь мне медведя. Я его шкуру у себя в спальне повешу. И чтобы клыки у него были не меньше моей авторучки!..

ГЛАВА 1

Учительская гудела как потревоженный пчелиный улей. Словесники за широким столом у окна с упорством шведов под Полтавой отстаивали каждый час учебной нагрузки в следующем учебном году. Руководитель методического объединения Сталина Григорьевна, дама по обыкновению томная и настроенная на лирический лад, с трагическим видом закатывала глаза и то и дело подносила пальцы к вискам, изображая неподдельное страдание. Деньги, нагрузка, красное руководство — как это пошло и не интеллигентно ссориться по таким пустякам. Сталина Григорьевна могла себе позволить не думать о деньгах и прочих грустных реалиях жизни сельского учителя, потому что ее мужу принадлежали все бензоколонки в округе. Поэтому Сталина была единственной учительницей в школе, которая имела неполную нагрузку и по этой причине жила полноценной жизнью, то есть частенько посещала городские театры и художественные выставки, ездила на курорты и наводила красоту в модных косметических салонах. Правда, учителем слыла неважным, но это обстоятельство скрашивал ее супруг, который частенько дарил школе то компьютер, то спортивный инвентарь, то талоны на бензин, а в зимние каникулы оплатил поездку десяти отличникам в Санкт-Петербург. Поэтому Сталину обычно не притесняли и терпели как досадную, но выгодную необходимость.

Схватка была в самом разгаре, но никто привычно не обращал на нее внимания, потому что каждому, кто присутствовал сейчас в учительской, не раз пришлось пережить подобные волнения. И все знали, что в конце кон-

цов все придут к обоюдному согласию, потому что последнее слово останется за директором и завучем. Как они решат, так и будет!

Белобрысый историк, не обращая внимания на склоки за своей спиной, говорил что-то вдохновенно и вполголоса в телефонную трубку. Все уже знали, что его роман с детским врачом Танюшей Потаповой стремительно развивается, и, судя по тому, что Костя, так звали историка, в последнее время не ночевал дома, дело шло к свадьбе. Тем более Танюшу замечали уже не раз в свадебном салоне районного центра, где она с упоением рассматривала наряды для невест.

Учительская молодежь обосновалась в углу за пыльной пальмой. Их приглушенные голоса и оживленная жестикуляция мало что добавляли к бедламу, царившему в конце учебного года в священной обители педагогов. Полное блюдо пирожков из школьной столовой и исходящий паром самовар говорили о том, что молодежь собралась гонять чай всерьез и надолго. Но более всего они хотели укрываться как можно надежнее от глаз школьной администрации.

Они понятия не имели о том, о чем уже знала Лена: их глубокоуважаемый директор Николай Кузьмич Киселев, человек степенный и предсказуемый во всех делах и поступках, несколько минут назад пробежал легкой рысью по школьному коридору, натягивая на ходу кожаный плащ, нахлобучивая клетчатую кепку и втискивая какие-то бумаги в портфель.

Причем все это делалось одновременно, отчего кепка отлетела в сторону, а бумаги рассыпались по полу. Директор застыл от растерянности, но на помощь ему бросился завхоз Трофимыч. Бумаги водворили на место, кепку директор направил под мышкой и резво скрылся в неизвестном направлении. Из чего Лена сделала вывод: случилось нечто чрезвычайное и, возможно, очень неприятное. Но думать о плохом в такой ласковый, по-настоящему летний день ей не хотелось. Пусть события развиваются своим чередом. И она быстрым шагом вошла в учительскую...

Молодежь призывно замахала ей из угла, но Лена пока-

чала в руках толстую пачку тетрадей, пожала плечами и горестно вздохнула. Намек был понят, и ее оставили в покое.

В учительской пахло пылью и старой бумагой. Перед ремонтом сюда снесли на время все, что с незапамятных времен гудами копилось в шкафах, практически никогда не применялось, но носило громкое название: наглядные пособия.

В открытые окна ворвался ветерок, парусом надул шторы, поиграл страницами раскрытых тетрадей, книг, журналов, смахнул со стола стопку отштампованных для экзаменационных работ листков бумаги. Елизавета Васильевна, школьный секретарь, ринулась их подбирать, чуть не сбив с ног и Лену, и столик, на котором стояли графин с водой и телефон.

— Ой, Леночка, извините. — Она поправила растрепавшиеся волосы. — Сегодня совсем в бумагах потерялась!

Лена огляделась: почти все столы заняты студентами-практикантами. Они давали последние в этом году уроки, строчили конспекты и отчеты по практике, обложившись горой учебников и дополнительной литературы. А их наставницы во главе с руководителем практики, завучем Софьей Моисеевной, сбились в тесный кружок, от которого исходил основной шум в учительской. Группа дородных «мамок» — этим не совсем почтительным прозвищем их наградили молодые коллеги — оккупировала красный дерматиновый диван и стоявшие вокруг него стулья. По легенде, которую по обычаю рассказывали всем новичкам, красный диван лет двадцать назад вручили школе за второе место в соревновании на лучшую подготовку средних учебных заведений к новому учебному году, и с тех пор он именовался «Переходящим знаменем». Кануло в Лету социалистическое прошлое, и воспоминанием о тех благословенных временах остался в учительской неуклюжий, жесткий, с кое-где потрескавшейся обивкой, огромный, кумачового цвета диван. Молодежь со своими тощими задами его игнорировала, а вот у «мамок» он был любимейшим местом обсуждения новостей любого масштаба — от поселкового до всемирного. Причем некоторые новости обсуждались здесь гораздо раньше, чем официально появлялись на свет...

Сейчас диван с трудом вмещал трех грузных «мамок», остальные ютились на жалких казенных стульях и терпели муки-мученические: согнуться им мешали солидные животы, а разговоры велись секретные, совсем не для ушей молодых, резвых коллег. Короче, «мамки» предавались своему любимому занятию — сплетничали. И Лена могла дать голову на отсечение, что предметом их живейшего обсуждения стал новый директор лесхоза. Он появился всего несколько недель назад вместо недавно умершего от инсульта Василия Петровича Боровского. Никто в поселке нового как следует не видел: в конторе он не сидел, а, скинув франтоватую городскую одежду и переодевшись в собачью доху и унты — в горах еще лежал снег по колено, — давал шороху подчиненным на местах.

Вела разговор по традиции Фаина Сергеевна, пожилая учительница химии. Ее муж, добродушный розовощекий Егор Никитич, возглавлял какую-то незначительную службу в лесхозе, был маленьким, но начальником, поэтому Фаина постоянно пребывала в курсе всех конторских новостей и сплетен. Себя она считала чуть ли не первой дамой в поселке, так как настоящие первые дамы — жены бывшего директора лесхоза, главного инженера, главврача и других начальников повыше и пониже рангом — были настолько замотаны работой, хозяйством и детьми, что на участие в светской жизни поселка у них не хватало ни сил, ни времени. Фаина Сергеевна в одиночку взвалила на себя непосильную ношу. Она с непомерным энтузиазмом возглавляла все мыслимые и немыслимые комитеты и советы, постоянно была на виду, и это давало ей повод обо всем судить с присущим ей апломбом и принципиальностью.

В ней было что-то от лошади: сухая, поджарая, голенастая — она тем не менее считалась первой модницей поселка. Вещи у нее были фасонистые, но порой совсем не подходящие для деревенской улицы, что несколько не умалило ее самомнения.

Она почти как личное оскорбление восприняла появление в Привольном три года назад новенькой, одетой по последней моде учительницы — Елены Максимовны Гангут. Чутьем старой интриганки и сплетницы она поняла,

что эта скромная, очень красивая девушка со странной фамилией о чем-то предпочитает не говорить и что тут кроется какая-то тайна. Вскоре это «что-то» обрело более четкие формы. Лена всячески избегала разговоров о семье и бывшем месте работы, и тем не менее в компанию «мамок» каким-то непостижимым образом просочились слухи, что она работала в Москве в известной газете, но по неведомым причинам бросила престижную работу и уехала в таежную глухомань.

Версии рождались одна за другой. По одной из них, она сбежала в тайгу от несчастной любви, по другой — от мужа, заставшего ее с любовником, а по третьей — она его застала. Тут «мамки» — дамы, в общем, незловредные — давали волю своей буйной фантазии. Жизнь на свежем деревенском воздухе, небогатая событиями, весьма подхлещивает воображение. Но все, как одна, сходились во мнении, что, несмотря на окутанное мраком прошлое, девушка держалась безупречно: слишком назойливых поклонников отшила сразу и бесповоротно, учителем оказалась толковым, от многочисленных поручений не отказывалась, то есть вела себя так, как и подобает молодой сельской учительнице, а не какой-то прожженной столичной штучке.

За эти годы у Лены сложились хорошие отношения с коллективом школы и многими жителями поселка. Одевалась она скромно, и только зоркий глаз Фаины Сергеевны мог определить, что все ее неброские туалеты великолепного качества, стоят приличных денег и подобраны с безукоризненным вкусом.

Недавно Лена купила в лесхозе в рассрочку коттедж, и сразу же возник новый повод для разговоров: откуда у нее деньги и кого она позовет на новоселье, которое, если верить слухам, должно было состояться через неделю.

Не ведая, какие бури сотрясают красный диван, Лена поставила массивный кожаный портфель на край стола, который она делила с учительницей математики — Зоей Викторовой. На столе, как всегда, черт ногу сломит: тетрадки, классные журналы вперемешку с моделями геометрических фигур, линейками, циркулями и коробочками с цветными мелками... Лена отодвинула в сторону

стопки тетрадей и обнаружила в завале журнал своего 10-го «Б» класса, открытый на странице с надписью «Математика».

Она взглянула на почти пустую колонку. Так и есть: в графе «Зачет» большинство оценок еще не проставлено, но напротив фамилии Страдымова, ее основной головной боли, в клеточке красуется жирная двойка. Очевидно, что-то послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения Зои Викторовны. Математиком она была от бога. За уши никого никогда не тянула, но внушала ученикам прямо-таки фанатичную любовь к своему предмету. Несмотря на полноту, она летала по классу от парты к парте, от стола к доске и успевала за урок сделать столько, сколько молодой учитель вдалбливал своим подопечным за неделю.

При этом Зоя Викторовна никогда не заботилась о том, какое впечатление она производит на окружающих. По школе ходило предание, как она года четыре назад умудрилась не заметить присутствующую на ее уроке высокую комиссию из крайоно. И только когда ученики выполняли самостоятельную работу, она, проходя по рядам и выставляя оценки в раскрытые дневники, очень удивилась, обнаружив на последних партах несколько упитанных чиновниц с сурово поджатыми губами. В недоумении поглядев на них поверх очков, она величественно прошествовала к столу.

— Тетради на стол, домашнее задание на доске! — этими словами она закончила урок и собиралась удалиться в учительскую. Но не тут-то было! Комиссии, отсидевшей зады на неудобных школьных скамейках, не терпелось разогнать кровь. Конечно же, уважаемая Зоя Викторовна совершила уйму ошибок: не комментировала оценки, а просто выставила их в дневники, обозвала ученика олухом, не объявила об окончании урока... Зоя Викторовна молча выслушала замечания, потом взяла со стола пачку тетрадей и смачно хлопнула их о парту перед председателем комиссии.

— Методические упущения, педагогические отклонения... Через пятнадцать минут у меня урок, просмотрите

эти работы. Будут замечания — приму к сведению, — сказала она и вышла из кабинета.

Остолбеневшие от такой наглости члены комиссии пытались возмущаться, но председатель своей властью приказал им замолчать и раздал всем тетради класса. Ровно через четверть часа выяснилось, что все ученики справились со сложнейшими заданиями практически без ошибок. Правда, многомудрый директор Киселев тактично умолчал о том, что на уроке, к счастью, отсутствовал ученик Страдымов, который вполне мог эти показатели подпортить. Но Страдымов покуривал в это время за школьным гаражом в компании таких же шалопаев-прогульщиков, и о тайной директорской хитрости так никогда и не узнал...

Илья Страдымов был, пожалуй, единственным учеником за всю долгую учительскую жизнь Зои Викторовны, который математику совершенно игнорировал, а десятый класс воспринимал как тренировочную отсидку перед заключением в места не столь отдаленные.

Его отцу было уже за шестьдесят, работал он плотником в лесхозе и с упорством, достойным лучшего применения, искал истину в вине, так что до младшенького, Ильи, руки у него никак не доходили. Впрочем, в свое время они не дошли и до старшего — Филиппа, отсидевшего не один срок за кражи и разбой...

Вот в эту семейку и предстояло идти Лене на разборки сегодня вечером. Поход был очередной данью завучу, которая всю работу с родителями представляла в виде бесконечного посещения квартир и безрезультатного выяснения отношений.

Низкий голос Зои Викторовны заставил Лену поднять голову.

— Господи, деточка, у вас поразительный талант наводить порядок!

Лена с удивлением воззрилась на стол: действительно, в тоске от предстоящих испытаний она незаметно для себя разобрала на столе все завалы.

В мгновение ока Зоя Викторовна водрузилась на самый широкий в учительской стул и свела на нет все усилия девушки. Она вновь разложила на столе классные журналы,

а тетради сдвинула на Ленину половину. При этом она не переставала говорить:

— Вы знаете, Леночка, новый директор лесхоза — прямо Фигаро неуловимый. Говорят, очень видный из себя мужчина, но груб, как фельдфебель. — Зоя Викторовна перевела дух. — На днях такое наговорил Зинаиде, главному бухгалтеру, что она два часа проревела у себя в кабинете. Это с ее-то гонором! — И Зоя Викторовна окончательно забыла, зачем села за стол. — А вот Фаина Сергеевна, — она многозначительно кивнула в сторону химички, восседавшей на диване, — видела, как он вышвырнул из кабины Генку-тракториста. Мне, говорит, пьянь за рулем не нужна. Жена его, Татьяна, сегодня бегала за муженька просить, так он и ее отчитал, чтобы не унижалась.

Две молоденькие, маленькие, похожие на взбешенных галчат учительницы начальных классов, Люба и Лариса, высунулись из-за пальмы и недоверчиво переглянулись.

— Это Генку-то?! Да он самый крутой мужик в поселке, а уж если выпьет, так и вообще с ним сладу нет. Участковый и то с Генкой не связывается!

Зоя Викторовна махнула рукой:

— Сравнили тоже! Новый директор покруче этого верзилы. Я тут видела, как он у конторы из машины выходил — в собственных ногах запутался. В шубе, унтах, настоящий медведь, да и рык у него медвежий... Что теперь будет? — Зоя Викторовна горестно покачала головой. — Василь Петрович, покойный, тоже был не сахар, всех в кулаке держал, а при этом, наверно, вообще век свободы не видать!

— Ну, вы, Зоя Викторовна, прямо на какой-то блатной жаргон переходите, — упрекнул ее Витя-Петя, учитель физкультуры Виктор Петрович Цыганков, подсевший под пальму к «2-Л-2», как он в шутку называл Любу и Ларису. Он обнял их за плечи и понизил голос: — Я вам, девушки-милашки, одно скажу: директор — мужик стоящий, за три недели, что здесь в поселке, все участки на вертолете облетел, некоторым так хвосты накрутил!.. А что? До сих пор винтом держат. — Физрук коротко хохотнул. — Жена у меня на поселковой АТС работает. Всего сказать, как вы понимаете, я не могу, — Витя-Петя многозначительно

подмигнул Лене, — но егеря рассказывают: шибко мужик грамотный! Правда, въедливый, не приведи господь. В каждую щель залезет, все насквозь видит. Куда там Василию Петровичу. Тот только и знал, что кулаком по столу громыхать да блажить на весь поселок. — Слегка повозившись в кресле, Витя-Петя принял более удобное положение и продолжил: — А Зинка ревела не оттого, что он на нее рывкнул, а что не разглядел ее красоты, не обомлел и в объятия не бросился. Что вы, Зинаиду не знаете? Любит она хвостом покрутить перед начальством, а тут такой пассаж! — Витя-Петя подставил чашку под краник самовара, взял из вазочки общественную, купленную в складчину сушку и, дожидаясь, пока чашка наполнится кипятком, развалился в кресле.

— Теперь, девоньки, подходите поближе, скажу я вам главную новость, а то мне на вас, на корню засыхающих, смотреть дюже противно и обидно...

— Чем же мы вам так не угодили, Виктор Петрович? — ехидно спросила из своего угла любимая Ленина подруга, англичанка Верка Мухина, по мужу Шнайдер.

— Цыц, Верка, не о тебе речь. Ты у нас баба замужняя, и разговоры наши тебе слушать не положено.

Верка захохотала, но поближе придвинулась к Лене и неразлучным «2-Л-2».

— Сообщил мне тут один конфиденциальный источник, пожелавший остаться неизвестным, что он, — заговорщицки прошептал физрук, а многозначительный взгляд в небо подтвердил, кого он имел в виду, — в законном разводе, детей не имеет, так что ловите, девоньки, шанс удачи за хвост, да побыстрее! — Щипнув девчонок за бок, отчего они отчаянно взвизгнули и покраснели, веселый физрук скосил глаза в сторону дивана и погрозил учительницам пальцем: — Смотрите, больница к конторе ближе, чем школа, опередят вас врачихи, а то и сама Зинаида приберет его к рукам, она баба ушлая!

— Да он небось совсем старый. — Лариса скривила губы.

— Ничего себе старый! — едва не вскочила с красного дивана Фаина Сергеевна. Химичка хоть и далеко сидела, но события контролировала, а уши привычно держала то-

пориком. — На вид ему не больше тридцати пяти, а может, и того меньше. Сегодня он нас с мужем до школы на своей машине подвез и, представьте, сделал мне комплимент. — Фаина торжествующе оглядела учительскую. Наконец-то она добилась своего: слушали ее все без исключения. Даже секретарша перестала печатать, а очумевшие от дурной писанины студенты подняли головы. С удовольствием отметил всеобщий интерес к своей особе, Фаина продолжала:

— Я, говорит, даже не подозревал, что встречу в поселке такую элегантную даму. — Она кокетливо взбила рукой пышные обесцвеченные волосы. — А потом подал мне руку, помог выйти из машины и проводил до самой школьной калитки.

— Да? — удивилась Любаша. — Ему б на вашем месте Елену Максимовну увидеть, вообще бы дара речи лишился.

Фаина Сергеевна издала какой-то квохчущий звук, побледнела и одарила молоденькую учительницу таким красноречивым взглядом, что всем стало ясно — девчонка по глупой оплошности нажила себе врага. Учителя, тактично пряча глаза, принялись за свои дела, секретарь застучала на машинке, и только Витя-Петя беззвучно трясся от смеха в своем кресле, накрывшись спортивной газетой.

— Ну, Любка, ну и отчебучила, теперь Фаина при удобном случае с потрохами тебя сожрет! — прошептал он.

Любаша только недоуменно пожала плечами и пристроилась к телефону, оттеснив от него Костю.

Зоя Викторовна тем временем захватила со стола конверты с экзаменационным материалом и устремилась в кабинет к завучу, оставив на столе еще больший беспорядок. Снова приниматься за бесполезную уборку у Лены не было никакого желания. Вспомнив, что по дороге в школу почтальон вручил ей письмо от отца, она достала его из портфеля и распечатала конверт...

Родители исправно писали ей по четко определенному графику: мама радовала семейными новостями в начале каждого месяца, а во второй его половине отец сухо информировал дочь о ее упущенных возможностях. За три года эта традиция ни разу не была нарушена, поэтому чтение отцовских писем Лена старалась всегда отложить на

потом. Читать о том, к чему приведет ее прозябание в таежной глуши, — не слишком приятное занятие. Нельзя сказать, что она не любила отца и не считалась с его мнением, но ее скоропалительный отъезд разрушил все его надежды, и он до сих пор не мог забыть обиды, поэтому письма его были излишне колкими и язвительными. Только бабушка и младший брат, непутевый, по мнению его телевизионного начальства, авантюрист и экспериментатор Никита, радовали ее веселыми, остроумными и частенько хулиганскими письмами.

Лена повертела в руках конверт, все еще раздумывая — читать или не читать, но тут — о счастье! — прозвенел спасительный звонок, и письмо опять удобно устроилось в портфеле.

Под дикий торжествующий рев нескольких сот детских глоток, возвестивший окончание уроков, Лена выскочила в коридор: под шумок дежурные по классу могли смыться и предоставить ей сомнительное удовольствие вылавливать их по всему поселку.

Выяснив попутно отношения со школьной сторожкой, младшему чаду которой, шестикласснику Сережке, существу весьма противному и ленивому, грозил второй год, Лена вернулась в учительскую и увидела, что там необычно пусто. Елизавета Васильевна уткнулась в какую-то толстую книжку в пестрой обложке и, едва подняв голову, кивнула на дверь:

— На совещании все. Николай Кузьмич чуть не в обмороке прибежал из конторы. Сейчас в кабинете физики совещаются. Даже из дома некоторых вызвал, а вас нигде не нашел, жутко осерчал, так что бегите, Елена Максимовна, со всех ног!

Довольная секретарша откинулась на стуле: меньше двух часов директор совещания не проводил, и в это время она могла вдоволь поболтать по телефону с многочисленными приятельницами, а также почитать очередной любовный роман, которые она глотала, как чайка, не разжевывая...

«Все, теперь раньше пяти не уйдешь, а ведь еще к Страдымовым надо зайти», — с тоской подумала Лена и, захватив из портфеля «Ежедневник», отправилась на учиненное директором аутодафе.

Спускаясь по узкой тропинке, что вела через лес к центру поселка, Лена и Вера чертыхнулись раз по двадцать. Преодолевать крутые спуски в туфлях на высоких каблуках было сущим наказанием, но скинуть их и идти босиком по уже прогретшейся земле девушки не решались — жаль порвать колготки, а снять их в редком, просматриваемом насквозь сосняке было равносильно подвигу.

О прошедшем собрании они помалкивали, хотя поговорить было о чем и, главное, о ком. Но они решили отложить это приятное занятие до Вериного уютного «лежачка» — так она называла огромный, с множеством подушек диван. Мягкую мебель молодоженам подарили в складчину многочисленные родственники.

— Думаю, так мы будем телепаться до вечера. Говорила же — пойдем по дороге, или Витю-Петю попросили бы подвезти, — недовольно проворчала Верка, в очередной раз снимая туфлю и рассматривая ее. — Все, туфлям каюк! Вот, смотри, весь каблук ободран, и подошва отстала. — Стоя, как цапля, на одной ноге, она потрясла лодочкой у Лены под носом.

— Господи, Вера, в мастерской тебе в два счета их отремонтируют, — устало отмахнулась от нее Лена. — Вот уже ваш огород. В калитку пойдем или в ворота?

— Ну, нет! Не хватало еще по грядкам скакать. — Верка решительно свернула в сторону, они обогнули огород и подошли к дому. У ворот стоял ярко-оранжевый «жигуленок» Вериних родителей.

Ее отец, Семен Яковлевич Мухин, и мама, Любовь Степановна, работали в поселковой пожарной охране, и поэтому местные острословы немедленно окрестили их новую машину «Пламя любви».

Вообще, как заметила Лена, в поселке были мастаки давать клички и прозвища, да и топонимика отличалась особой выразительностью. Так, старый пруд за поселком после того, как в него свалился принадлежавший мужу Сталины бензовоз и превратил и так небогатый живно-